
ТАМ, ГДЕ
МОЛЧАТ
СОБАКИ
18+
АНИ ЕГАНЯН

Ани Еганян

Там, где молчат собаки

https://litres.ru/74673407
SelfPub; 2026

Аннотация

Днём Кира Невская исследует тела животных и пишет заключения, в которых нельзя оставить ни строчки о жалости. Ночью встречается с людьми, которых считает виновными в их гибели.

Когда в городе начинается череда загадочных смертей, следователь Максим Ветров замечает общую деталь: возле каждого погибшего остаются земля и отпечаток собачьей лапы. Кто-то решил, что безнаказанность закончилась.

Кира уверена, что умеет отличать правду от лжи. Но одна встреча заставляет её усомниться в собственных выводах. А человек, рядом с которым впервые за долгое время становится тепло, оказывается всё ближе к её тайне.

Мрачный психологический триллер о жестокости, доверии и праве выносить приговор. Здесь любовь не обещает спасения, а доброе намерение может стать началом непоправимого.

Содержание

Глава 1 5
Номер сорок семь 5
Глава 2 12
Земля на подоконнике 12
Глава 3 19
Человек с папкой 19
Глава 4 25
Старые обращения 25
Глава 5 31
Правило 31
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Там, где молчат собаки

Ани Еганян

Там, где молчат собаки

Психологический триллер

Глава 1

Номер сорок семь

Пакет привезли в половине восьмого. Курьер поставил его на пол, хотя на двери было написано, что ставить на пол нельзя, и протянул Кире телефон с разбитым экраном.

— Тут пальцем.

Она расписалась. Курьер остался у порога, разглядывая её резиновые туфли.

— А справка сегодня будет?

— Какая справка?

— Что он сам. Ну, болезнь какая-нибудь.

Кира посмотрела на пакет. Из плохо затянутого узла торчал угол клетчатого пледа. Такой плед она видела в каждом третьем доме: красные полосы, жёлтые квадраты, бахрома, которую невозможно отмыть от шерсти.

— Исследование ещё не началось.

— Я понимаю. Мне просто сказали уточнить.

— Кто сказал?

Курьер убрал телефон.

— Я доставляю только.

Он ушёл, не закрыв дверь. В коридоре зашуршали его бахилы. Кира дождалась, пока хлопнет наружная створка, и

подняла пакет на каталку. На сопроводительном бланке стоял номер сорок семь. В графе «Кличка» было написано: «Не установлена». Владелец хотел знать, не заразилась ли собака чем-нибудь на передержке. Три дня назад он забрал её домой, вчера она умерла.

Кира надела халат. Завязала волосы, проверила, не торчит ли прядь из-под шапочки. Привычная последовательность занимала меньше минуты. Сегодня она дважды поправила один и тот же рукав.

За окном ещё не рассвело. Дождь превращал стекло в матовую перегородку, за которой угадывались фонарь и торец соседнего корпуса. Центральная городская ветеринарная клиника открывалась в девять. В патологоанатомическое отделение входили с другой стороны, мимо контейнеров и окна бухгалтерии. Здесь часы приёма зависели от того, когда привезут очередного пациента, которому уже было всё равно.

Она развернула плед.

Небольшой кобель с седой мордой лежал на боку. Переднюю лапу когда-то сращивали после перелома; она была чуть короче другой. Под ошейником слежалась шерсть. На внутренней стороне ремешка кто-то шариковой ручкой вывел три буквы.

Бим.

Кира перечеркнула «Не установлена» одной линией, чтобы запись можно было прочитать, и вписала кличку рядом.

Потом включила свет над столом.

Когда пришла Ольга, на окне уже лежал первый снимок. Ольга несла бумажный стаканчик и прозрачную коробку с сырниками. Она работала регистратором двадцать лет и до сих пор стучала перед тем, как войти, хотя Кира просила не делать этого.

— Ты здесь ночуешь, что ли?

— Нет.

— На остановке опять раскопали. Водитель говорит: дальше пешком. Хорошо хоть предупредил до того, как проехал.

Она поставила еду в чистой комнате, вернулась и посмотрела на бланк.

— Есть что?

— Есть основания для дополнительных исследований.

Ольга наклонилась к записи. На самом деле её интересовало совсем другое, но она умела ждать, пока Кира сама решит, сколько можно сказать.

— Перелом старый, — сказала Кира. — Этот был вылечен. Остальное пока не пиши.

— Владелец звонил. Просил побыстрее. Говорит, семья переживает.

Кира сняла перчатки. Одна из них прилипла к запястью, и пришлось потянуть сильнее.

— Отдадим заключение по готовности.

— Я так и ответила.

Ольга помолчала, затем переставила коробку с сырниками подальше от края.

— Ты хоть ешь иногда то, что я приношу?

— Иногда.

— Враньё. Я потом нахожу в холодильнике. Ешь сегодня. Они с изюмом, нельзя оставлять нашим дворнягам.

Она ушла к телефону. Кира смотрела на дверь ещё несколько секунд. У Ольги на левом локте протёрлась кофта. Это пятно появилось весной. Каждый раз, замечая его, Кира хотела купить ей новую, а потом представляла, как придётся объяснять покупку, и откладывала.

В десять начальник отделения прислал сообщение: владелец Бима знаком с кем-то в администрации. Формулировка была вежливой. «Просьба уделить особое внимание». Кира сохранила сообщение вместе с остальной перепиской по случаю и продолжила работу.

В обед позвонила Вера Руденко.

— Ты получила перевод за кошку?

— Получила. Клиника получила.

— Отлично. Я сегодня заеду с документами. И мне надо с тобой поговорить. Не по телефону.

Кира убрала ручку в карман халата.

— Во сколько?

— После пяти. Ты же будешь?

— Буду.

За стеной Ольга ругалась с принтером. Бумагу опять затянуло под валик. Кира слышала, как регистратор уговаривает машину не подводить её «хотя бы перед пенсией», потом

выругалась уже сама.

— У тебя всё нормально? — спросила Вера.

Кира не сразу ответила.

— Да.

— Голос усталый.

— Я работаю.

— Тогда до вечера.

Телефон погас. На чёрном экране отразилось лицо Киры: узкое, бледное, с красной полосой от шапочки на лбу. Она перевернула аппарат.

Вчера в это время Алексей Савельев был жив.

Его смерть ещё не появилась в городских новостях. Кира проверила это утром в автобусе, прежде чем убрать телефон. Ей не хотелось читать, как его назовут. Предприниматель. Благотворитель. Отец двоих детей. Все эти слова были правдой и не мешали другой правде, которую она знала о нём.

Вечером она вошла в его квартиру. Позднее вышла оттуда одна.

Теперь воспоминание возвращалось не целиком, а отдельными ненужными подробностями. На лестнице пахло краской. В прихожей стояла коробка с новой обувью, ещё обёрнутой тонкой бумагой. Человек, которого Кира пришла убить, собирался куда-то идти в субботу.

Она остановила себя на этой мысли и открыла журнал.

Сорок семь. Бим. Возраст около девяти лет. Кобель.

Ей хотелось, чтобы он прожил ещё хотя бы три года. Что-

бы за окном было лето и кто-нибудь ругался на него за вырытую клумбу. Эти мысли ничего не меняли в заключении. Кира давно научилась не вписывать туда желания.

В четыре позвонил владелец. Ольга перевела вызов, прижав ладонь к трубке.

— Сам хочет.

— Соединяй.

Мужчина говорил тихо и отчётливо. Он уточнил срок, порядок оплаты дополнительных исследований и можно ли забрать ошейник. Потом спросил:

— Вы ведь напишете только то, что установлено?

Кира посмотрела на расстёгнутый ремешок. Буквы на изнанке расплылись от воды, но ещё читались.

— Да.

— Без предположений?

— С указанием того, что требует проверки.

Мужчина вздохнул.

— Вы не поняли. Мне важна репутация передержки. Я их рекомендовал знакомым.

— Я поняла.

Он ждал продолжения. Кира тоже ждала. Первым не выдержал он.

— Ладно. Сообщите, когда будет готово.

Она положила трубку. Через стеклянную вставку в двери Ольга показала ей сырник, завёрнутый в салфетку. Кира покачала головой, потом передумала и вышла.

Они ели стоя у окна. У Ольги на нижней губе осталась сметана. Она рассказывала про соседа, который третий месяц обещал починить доводчик. Кира слушала, разламывая сырник на мелкие куски.

— А ты его знаешь? — спросила Ольга вдруг.

— Кого?

Регистратор повернула телефон. В местном канале опубликовали фотографию Савельева. Он улыбался на фоне машины; рядом стояла девочка в выпускном платье.

«Обнаружен мёртвым у себя дома. Обстоятельства выясняются».

— Нет, — сказала Кира.

Ольга убрала телефон и продолжила про доводчик. Снаружи к окну прижался мокрый кленовый лист. Пока они ели, он медленно сполз вниз, оставив на стекле чистую дорожку.

Глава 2

Земля на подоконнике

Лифт остановился на девятом, а кнопка десятого не загоралась. Максим поднялся по лестнице. На площадке между этажами стояло детское кресло с оторванным ремнём и три банки из-под краски. К одной присохла кисть.

У двери квартиры дежурил молодой полицейский. Увидев удостоверение, он выпрямился и сделал шаг, перекрыв проход.

— Бахилы.

Максим посмотрел на его обувь. Парень покраснел и пропустил.

Квартира была тёплая. Слишком тёплая для октября: от батарей пахло пылью, окно в гостиной запотело. В прихожей на скамейке сидела женщина в домашнем костюме. Обеими руками держала связку ключей. Ноготь на большом пальце сломался до мяса.

— Ветров, следователь. Как вас зовут?

— Анна.

Она назвала фамилию, и он уточнил, кем она приходится умершему.

— Убираюсь. По средам и пятницам. Сегодня он сам про-

сил. Обычно не в этот день.

— Вы нашли?

Анна кивнула. Ключи звякнули.

Максим попросил сотрудника остаться с ней и прошёл в гостиную. Савельев лежал возле дивана. Врач уже закончил первичный осмотр и собирал вещи; эксперт фотографировал журнальный столик. На телевизоре без звука показывали кулинарную передачу. Женщина в жёлтом фартуке растирала что-то в миске.

— Пока без выводов, — сказал врач прежде, чем Максим успел спросить. — Видимой причины нет. Дальше исследование.

— Когда?

— Не сегодняшним утром. Это точно.

Савельеву было сорок восемь. По сведениям, которые передали Максиму по дороге, он владел несколькими автомастерскими и складским помещением за окружной. Разведён, двое детей, судимостей не было. Последнее часто произносили с особенным выражением, словно несудимость являлась результатом отдельного медицинского обследования.

Максим обошёл комнату. На столике стояли две чашки. Одна с кофейным налётом, вторая чистая на вид. Возле дивана валялся пульт. За приоткрытой дверью кабинета виднелись шкафы с документами.

— Вторая чашка не означает второго человека вчера, — сказал эксперт, не поднимая головы.

— Знаю.

— Я на всякий случай. Потом опять скажут, что мы посетителя упустили.

Его звали Павел. Они работали вместе достаточно давно, чтобы такие разговоры не требовали улыбки.

На подоконнике лежала земля.

Небольшая кучка, с монету размером. Рядом темнел отпечаток лапы. Четыре пальца, подушечка. Грязь подсохла по краям и ещё блестела в середине. Максим наклонился, не касаясь рамы.

— Здесь животное было?

— В квартире, по словам уборщицы, нет. На балконе ещё не закончили.

Окно запиралось изнутри. До ближайшего балкона сбоку было несколько метров, под ним — девять этажей воздуха и маленькая клумба у подъезда. Максим посмотрел вниз. На клумбе лежали пластиковая бутылка и чёрный пакет, зацепившийся за голую розу.

— Отдельно сними. И землю забери.

Павел поднял камеру.

— Уборщица цветы пересаживала?

— Сейчас спросим.

В прихожей Анна уже выпила стакан воды и успела извиниться за стакан. Максим присел на корточки, чтобы не стоять над ней.

— Вы держите здесь свои ключи?

— Хозяин дал. Я не делала копий.

— Когда видели его в последний раз?

— В пятницу. Он был… обычный.

— Сегодня дверь была заперта?

— Да.

— Цветы в квартире есть?

Анна нахмурилась.

— На кухне искусственные. Настоящие я унесла ещё зимой. Он просил выбросить, а там хорошие были. Драцена.

Максим показал ей фотографию окна на экране камеры Павла. Не приближал изображение, чтобы не подсказывать ответ.

— Это было раньше?

Женщина долго смотрела.

— Нет. Я подоконники протирала. В пятницу. И собаки у него не было.

— А раньше?

Ключи перестали звенеть.

— Не знаю.

Он подождал.

— Мне надо сыну позвонить, — сказала Анна. — Я его из школы должна.

Максим объяснил, что ей помогут связаться с сыном, потом спросил ещё раз о животных. Анна отвечала коротко. В квартире она их не видела. О личной жизни хозяина ничего не знала. На склад не ездила. Последнего Максим не спра-

шивал.

Он не стал тут же ловить её на этом слове. Записал его и попросил номер телефона.

К полудню площадка заполнилась соседями. Они стояли за ограждением и сообщали друг другу, что ничего не знают. Женщина с пятого требовала объяснить, надолго ли займут лифт. Мужчина в растянутом свитере припомнил, что вчера слышал женские шаги. После уточнения выяснилось: шаги он слышал в лифте, лица не видел и время не помнил.

Максим спустился во двор. Дождь прекратился. Под навесом курил оперативник Сергей Панов, которого все называли по фамилии, даже жена. Он протянул бумажный стакан с кофе.

— Камера у домофона работает. Надо забирать запись. Соседи уже вспомнили восемь подозрительных людей. Трое из них курьеры.

— Все записи сохраняйте. По умершему что?

— Жил хорошо. Налоговая жаловалась, потом передумала. Конфликт с бывшим партнёром был три года назад. По складу пока смотрим.

Максим отпил. Кофе оказался сладким.

— Ты сахар положил?

— Там уже был. Из автомата.

Он допил половину, потому что выбрасывать тёплый стакан было жалко, и позвонил домой.

Соседка ответила после четвёртого гудка.

— Да вывела я его, Максим. Он сделал свои дела и теперь лежит поперёк кухни. У меня картошка на плите. Я через него переступаю.

— Он утром почти не ел.

— Сейчас съел. Из моей тарелки. Хороший у тебя аппетит у собаки, не переживай.

На заднем плане звякнула посуда. Потом послышалось короткое ворчание.

— Скажи ему, я вечером приду.

— Сам скажешь. Ему телефон неинтересен.

Максим убрал аппарат. Шов не любил, когда тот уходил без прогулки. С возрастом пёс стал хуже слышать, но каким-то образом отличал обычный утренний выход от внезапного вызова. Во втором случае вставал между хозяином и дверью и смотрел так, словно Максим опять нарушил понятный только им двоим договор.

Панов раздавил стакан и бросил в урну.

— Хочешь моё мнение? Сердце. Родственники говорят, давление было.

— Возможно.

— А лапа?

Максим посмотрел на окна десятого этажа. Отсюда было видно только тёмное стекло.

— Её кто-то оставил.

— Спасибо. Я уже представил летающего спаниеля.

— Узнай, что у него происходило на складе.

Панов перестал улыбаться.

— Думаешь, связано?

— Пока думаю, что Анна про склад вспомнила раньше нас.

На телефоне появилось сообщение от бывшей жены. Елена спрашивала, может ли забрать в субботу коробки с балкона. Он написал: «Да». Через минуту добавил: «Ключ подходит». Потом стёр второе сообщение. Она знала, что ключ подходит. За два года он так и не сменил замок.

Прежде чем сесть в машину, Максим ещё раз открыл фотографию следа. У одного пальца в грязи была маленькая белая выемка. Он увеличил снимок, затем вернул исходный размер. Убедиться, настоящая ли это собачья лапа, по фотографии он не мог.

Вечером, уже дома, он вымыл Шову задние лапы и вытер старым полотенцем. Пёс стоял терпеливо, перенося вес на здоровую сторону. На светлом кафеле остался мокрый отпечаток.

Максим задержал на нём взгляд.

Шов обернулся и шумно вздохнул, требуя ужин.

Глава 3

Человек с папкой

Вера приехала с двумя мешками корма и чужим ребёнком. Мальчику было лет восемь. Он нёс в прозрачном контейнере улитку и сразу спросил Ольгу, можно ли её показать врачу.

— Улитка заболела? — спросила Ольга.

— Нет. Хочу узнать, сколько ей лет.

— Это племянник, — объяснила Вера. — Сестра застряла на работе. У нас сегодня совмещённая программа.

У неё намокли плечи пальто. Светлые волосы выбились из заколки и прилипли к щеке. Она выглядела человеком, который весь день кого-нибудь спасал и теперь забыл, где припарковал машину.

Кира помогла занести корм в кладовую. Мешки предназначались стационару, и Ольга заставила Веру подписать акт передачи корма.

— Потом бухгалтерия спросит, откуда, — пояснила Ольга. — А скажу, что с неба упало, они потребуют акт о падении.

Вера улыбнулась и подписала обе бумаги. Она никогда не спорила с такими требованиями. Кира ценила это больше,

чем слова о доброте. За семь лет, что фонд «Тихий двор» возил животных в клинику, Вера научилась отличать ненужную формальность от записи, без которой лечение остановится.

Они вошли в комнату отдыха. Вера сначала поставила на стол банку кофе, потом положила рядом тонкую папку.

— Я прочитала про Савельева, — сказала она.

Кира включила чайник.

— Я тоже.

— Странное чувство. Я должна расстроиться. Знакомый человек умер. А у меня в голове всё время тот гараж.

Два года назад в гараже нашли собак. Живыми вывезли не всех. На фотографиях, сделанных волонтёрами, Савельев стоял у ворот с телефоном и показывал, что входить нельзя. Позже он объяснил, что помещение сдал в аренду, о происходящем не знал и сам вызвал полицию. Вера тогда привезла в клинику молодую суку с рассечённым ухом. Кира помнила номер случая, хотя кличку уже забыла.

— Ты думаешь, это кто-то из наших? — спросила Вера.

Чайник начал шуметь. Кира взяла две кружки, поставила одну перед Верой.

— Почему?

— Не знаю. Люди столько писали ему. Угрожали. Даже мне присылали, чтобы я передала. Помнишь, я просила не выкладывать адреса?

— Помню.

Вера провела пальцем по краю папки.

— Я сегодня думала, чего мы добились тогда. Собрали деньги, спасли кого смогли. Остальные так и остались в списке. Потом все устали.

— Усталость не отменяет сделанного.

— У тебя это хорошо получается. Так говорить, будто дальше можно работать.

Кира залила кофе. Вера достала телефон и показала сообщение от девочки, которой искали передержку для кота. Дома отчим грозился выбросить его с балкона. Они несколько минут выбирали, кому можно позвонить. Потом Вера выключила экран.

— Есть ещё один человек. Мне нужен твой взгляд.

Она подвинула папку.

На первой странице стояла фамилия: Громов Игорь Викторович. Сорок два года. Собственник помещения на Северной промышленной. Ниже были фотографии, распечатанные на обычной бумаге. Кира увидела металлические ограждения, мокрый пол, край собачьей миски. На одной фотографии Громов держал животное за ошейник. Лица не было видно, но Вера приложила другой снимок, сделанный с того же ракурса.

— Откуда?

— Человек работал у него. Боится.

— Имя.

— Кира…

Она отодвинула папку.

Вера потянулась к ней, но остановила руку.

— Я не могу назвать без разрешения. Он подписал объяснение. Посмотри последнюю страницу.

Объяснение было написано от руки. Мужчина по имени Николай сообщал, что работал сторожем, видел животных после ночных мероприятий, выносил мусор и слышал разговоры о ставках. К заявлению прилагался номер обращения. Кира переписала его на отдельный листок.

— Это подано?

— Да. Три месяца назад. Ответ там же.

В ответе сообщалось, что сведений для дальнейших действий недостаточно. Фраза о проверке занимала две строки. Контактный номер сторожа был закрыт чёрным прямоугольником.

— Я хочу посмотреть исходные фотографии, — сказала Кира. — И поговорить с ним. Хотя бы голосом.

— Попрошу. Только, пожалуйста, не дави. Он уже уверен, что зря связался.

Кира не ответила. Она читала описание повреждений, сделанное человеком без специального образования. Некоторые слова повторялись. Другие были неточны. Это казалось естественным. Мужчина писал о том, что видел, как умел.

Из коридора донёсся смех племянника. Ольга объясняла ему, почему у улитки нельзя спрашивать паспорт.

— А по Савельеву там что-нибудь говорят? — спросила Вера.

Кира подняла глаза.

— Где?

— В полиции. Ты с ними иногда общаешься.

— По животным.

— Ну да. Извини.

Вера допила кофе и забрала пустую банку из-под сахара, которую обещала передать в приют: в ней хранили мелкий крепёж. Собирала чужие ненужные вещи она с такой же обстоятельностью, с какой искала деньги на операции.

У дверей мальчик попросил Киру посмотреть улитку.

Она присела. Сквозь крышку контейнера был виден кусок огурца и раковина, испачканная землёй. Улитка спряталась.

— Я не умею определять их возраст, — сказала Кира.

— А кто умеет?

— Надо найти человека, который занимается улитками.

Мальчик подумал и кивнул. Такой ответ его устраивал.

Когда они ушли, Кира проверила переписанный номер обращения. По одному номеру она не могла установить, что именно подавали, и позвонила Вере снова.

— Пришли целиком. Без закрытых строк. Он может разрешить только мне.

— Хорошо, — сказала Вера. — Я поговорю.

Кира закрыла папку. На ладони осталась чёрная полоса от дешёвой краски. Она долго тёрла её под водой, пока не

поняла, что смотрит на чистую кожу.

Глава 4

Старые обращения

Панов принёс материалы по складу Савельева в картонной коробке. Верхняя пачка была скреплена розовой резинкой для волос.

— Не моя, — сказал он, заметив взгляд Максима. — В таком виде выдали.

На обложках стояли разные даты. Жалобы соседей, фотографии, объяснения арендатора. Первое обращение поступило за три года до смерти Савельева, последнее — восемь месяцев назад. Между ними помещение успело сменить вывеску и формальное назначение.

Максим разложил бумаги по времени. На одном листе была фотография девушки с собакой на руках. Девушка отвернулась от камеры. Пёс смотрел прямо в объектив, прижимая уши.

— Её опрашивали?

— Фамилия в приложении. Соколова Анастасия.

— Свяжись.

Панов сел на свободный край стола.

— По соседям пока ничего. Уборщица сказала, Савельев просил на склад не приезжать. Она там убиралась один раз.

Давно. Когда только нанялась.

— Что видела?

— Собаки в клетках. Ей сказали, питомник. Она не разбирается. Больше туда не ездила.

— Почему?

Панов повертел в руках розовую резинку.

— Ей стало страшно. Говорит, сама не знает отчего. Там люди какие-то были.

Максим посмотрел на снимки. На одной фотографии, за чёрной фигурой в проходе, виднелась клетка. Файл распечатали плохо; тёмная половина сливалась с тенью.

— Само ощущение в протокол не превратить, — сказал Панов. — Она жила с этим два года. А теперь человек умер, и ей кажется, что нужно было понять.

— Запиши то, что помнит. Без наших дополнений.

К обеду Максим прочёл все обращения. Они не складывались в простую историю о человеке, которого постоянно спасали деньги. В одних материалах не хватало проверок. В других заявители передавали слухи, а потом не отвечали на звонки. Был и отозванный рассказ, автор которого заявлял, что перепутал адрес. Один сотрудник добросовестно прошёл по соседним предприятиям и собрал объяснения, но не получил доступа к самим животным: к его приходу их вывезли.

Всё это могло означать покровительство. Могло означать небрежность, страх и умение появляться слишком поздно. Для мёртвых собак разница, вероятно, отсутствовала. Для

расследования она оставалась существенной.

Максим позвонил врачу, проводившему осмотр тела. Тот подтвердил, что естественную причину смерти пока не установили.

— Родственники хотят забрать быстрее, — добавил врач.

— Знаю.

— Тогда объясни им, что это не я вредничаю.

Максим потратил двадцать минут на разговор с братом Савельева. Брат сначала требовал, потом просил, потом предложил оплатить «всё необходимое». Максим закончил разговор, не выбрав, какая из интонаций была неприятнее.

В шесть ему написала Елена: «Заберу коробки сегодня. Не в субботу». Он ответил: «Буду после восьми». Потом вызвал машину и поехал домой, потому что дома его ждал живой пёс.

Шов встретил его у двери. Одна щека была взлохмачена после сна. На коврике лежал кусок сырой картофелины: соседка всё-таки уступила просьбам.

— Ты бы ещё продуктов попросил, — сказал Максим.

Пёс чихнул.

На улице пахло мокрым железом. Они шли до заброшенного трамвайного кольца и обратно. Шов выбирал длинный маршрут даже тогда, когда задняя лапа начинала подрагивать. Максим научился заранее предлагать поворот, делая вид, что сам устал.

У мусорной площадки двое подростков снимали на теле-

фон ворону. Она пыталась вытащить из пакета кусок хлеба. Один мальчик пнул пакет. Птица отскочила.

— Хватит, — сказал Максим.

Мальчик убрал телефон.

— Да мы ничего.

— Вот и хорошо.

Они ушли с видом людей, которым испортили законное развлечение. Максим поднял пакет за сухой край и опустил глубже в контейнер. Шов заинтересовался хлебом, но позволил увести себя без спора.

Дома Елена стояла на табуретке и пыталась достать антресольную коробку. Он снял её с табуретки за талию, как делал раньше, и оба на секунду замерли.

— Могла подождать, — сказал он.

— Я и так всё время жду.

Она произнесла это без злости. Оттого получилось хуже.

В коробках оказались старые тетради, новогодние игрушки и фотографии её матери. Елена присела возле Шова, почесала ему грудь. Пёс положил голову ей на колено.

— Ногу бережёт?

— Когда холодно.

— Ты показывал?

— Записался на пятницу.

— Не отменяй.

Она упаковывала фотографии, а Максим держал коробку. На кухонном столе лежала раскрытая рабочая записная

книжка. Елена заметила её, но ничего не прочитала.

— Опять умер кто-то?

Он кивнул.

— Ты можешь так не оставлять? — Она показала на книжку. — Я понимаю, что больше не живу здесь. Всё равно.

Максим закрыл её. На странице оставалась фамилия женщины, которая нашла тело. Он не счёл нужным прятать её от пустой кухни.

Максим отнёс коробки в такси и проводил Елену. Когда он возвращался к подъезду, позвонил Панов.

— Соколова ответила. Приедет завтра. Ещё журналистка звонила. Шестакова.

— Что хочет?

— Говорит, Савельев был у неё в материале про фонд. Спрашивает, можно ли связать его смерть с её расследованием.

— Пока нельзя.

— Я ответил. Она сказала, тогда даст нам ещё кое-что.

Максим поднялся домой, не снимая куртки налил Шову воды. Телефон зазвонил снова. На этот раз незнакомый номер.

Женский голос представился Ириной Шестаковой.

— У вас есть несколько минут? Это про человека, которого Савельев искал перед смертью.

— Слушаю.

— Денис Ларин. Он водитель, иногда механик. Возил жи-

вотных. И я не уверена, что сейчас ему стоит отвечать на звонки незнакомых людей.

Максим взял ручку. На секунду ему показалось, что эту фамилию он уже где-то записывал. Он открыл книжку на новой странице и попросил Ирину начать сначала.

Глава 5

Правило

В пятницу пришёл окончательный результат по Биму. Он не подтверждал подозрение владельца насчёт инфекции и не подтверждал того, чего в глубине души ожидала Кира. Несколько изменений допускали разные объяснения. Возраст, перенесённое заболевание, неудачно подобранная нагрузка. Для вывода о насилии сведений не хватало.

Кира перечитала материалы, сверила даты и позвонила врачу, который лечил собаку раньше. Женщина на другом конце провода помнила Бима: у него была хозяйка, умершая прошлой зимой. После её смерти пёс жил у племянника, потом на передержке. На приёмах вёл себя спокойно. Старый перелом возник задолго до того, как он попал в семью.

— Они его любили, — сказала врач. — По-своему. Мужчина испуганный, всё переспрашивал. А вы почему интересуетесь?

Кира объяснила. Женщина замолчала, затем попросила прислать заключение, если родственники разрешат.

В графе о причине смерти Кира написала то, что позволяли установить результаты. Добавила ограничения. Убрала фразу, которая звучала более уверенно, чем следовало.

Ольга прочла готовый документ, прежде чем положить его в конверт.

— Не тот оказался?

— Кто?

— Владелец. Ты после звонка такая была.

Кира закрыла журнал.

— Я не знаю, какой он.

— Вот и я не знаю. Пришёл сегодня, сел в коридоре. Говорит, дома пусто, привык к миске возле холодильника. Я ему воды налила, он даже не выпил.

Кира посмотрела сквозь матовое стекло. За ним двигалась чья-то тень.

— Ошейник отдай. В пакетике, в шкафу.

Ольга ушла. Через несколько минут Кира увидела в коридоре мужчину с конвертом. Он стоял спиной, пытался открыть маленький пакет и никак не мог разъединить края. Потом убрал его в карман и быстро пошёл к выходу.

После работы Кира съездила к матери. Это случалось раз в месяц, в один из дней после пенсии: в другое время мать не позволяла привозить продукты, опасаясь, что дочери придётся платить за неё всегда.

Дорога занимала сорок минут. Дом стоял в квартале, где асфальт заканчивался внезапно, на середине тротуара. В подъезде пахло тушёной капустой. Кира поднялась на третий этаж и долго искала ключ, хотя знала, в каком он кармане.

Мать открыла сама. На ней был фартук с изображением лимонов.

— Я суп сварила. Ты чего такая мокрая?

— Дождь.

— Зонт есть у тебя?

Кира показала сложенный зонт. Мать отступила, не найдя другого повода для замечания.

В квартире осталось мало от её детства. Новый линолеум, пластиковые окна. Старый сервант выкинули после смерти отца. На месте кресла, в котором он спал перед телевизором, стоял велосипед-тренажёр, заваленный чистым бельём.

Они раскладывали покупки. Мать ругалась на цены, потом на то, что Кира купила слишком много. Помидоры переложила в другую миску. Ту, которую принесла дочь, сразу вымыла.

За ужином говорили о женщине из соседнего подъезда и о батареях. Мать попросила посмотреть квитанцию, потому что сумма опять выросла. Кира достала телефон, открыла калькулятор.

На холодильнике висела фотография. Она сама в школьной форме, коса перекинута через плечо. У ног сидел серый пёс. Снимок когда-то обрезали, чтобы в кадре не было отцовской руки с сигаретой.

— Зачем ты её повесила?

Мать проследила за взглядом.

— Хорошая фотография. Ты улыбаешься.

Кира положила квитанцию на стол.

— Там Грей.

— Я вижу.

Она произнесла это с усталостью, возникшей задолго до сегодняшнего разговора. Кире было тринадцать, когда собака исчезла. Отец сказал, что убежала. Мать не спорила. Через неделю соседка рассказала девочке то, чего ей не следовало рассказывать без взрослого рядом. Потом долго уверяла, что, может быть, ошиблась.

Теперь мать встала и закрыла кухонную дверь, хотя в квартире никого больше не было.

— Я ведь искала его.

— Один день.

— Ты не всё помнишь.

— Тогда расскажи.

Мать облокотилась на стол. На запястье виднелся шрам от ожога, полученного уже после смерти мужа, когда она опрокинула чайник. Этот шрам Кира знала хорошо. Остальные воспоминания не имели таких удобных отметин.

— Я боялась, — сказала мать. — Тебя надо было кормить. И себя тоже. Я не умела, как ты.

— Как я?

— Уйти и никого не спрашивать.

Кира хотела сказать, что ушла только в семнадцать и четыре года им ещё предстояло прожить. Но мать стояла перед ней маленькая, с красными от горячей воды руками, и пред-

ложение не складывалось.

Они допили чай. Кира пересчитала квитанцию, оставила на столе номер, по которому можно уточнить начисления. Перед уходом мать налила ей суп в банку и всё-таки сняла фотографию с холодильника.

— Не надо, — сказала Кира.

— Ты сама…

— Пусть висит.

Домой она ехала с тёплой банкой в пакете. В автобусе плакал ребёнок, и мужчина через проход требовал от матери «сделать уже что-нибудь». Кира отвернулась к окну. Ей хотелось, чтобы все замолчали. Потом ребёнок перестал плакать сам, уткнувшись лицом в рукав, и тишина оказалась ещё неприятнее.

Дома Кира включила ноутбук. Вера прислала новые материалы по Громову и номер человека, согласившегося говорить. Разговор длился сорок минут. Николай сначала отвечал односложно, потом заговорил быстро, перескакивая с одной даты на другую. Кира возвращала его назад. Спрашивала, что он видел сам, а что слышал от остальных. Он раздражался.

— Вы мне не верите?

— Я проверяю.

У неё было правило: одного рассказа недостаточно. Второе подтверждение должно приходить не от того же человека и не пересказывать первый источник. В случае Савельева

она собирала сведения почти год. Ей казалось, это отличало её решение от обычной злости.

Она открыла чистую страницу и написала сверху фамилию Громова.

За стеной сосед ударил по батарее. На кухне остывал суп. Кира ещё не знала, что правило можно соблюдать так, чтобы оно каждый раз давало желаемый ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.